УДК 801.3

Липовска А. *За речниковата статия „ВОЕННЫЙ – ВОЕНЕН“ в руско-българския речник на асоциативната съчетаемост*. – Юбилейна научна сесия `96, ВВВУ „Г. Бенковски“, Д.М., 1996.

В предлаганата работа на базата на конкретен материал се демонстрира микроструктурата на един руско-български речник на асоциативната съчетаемост; разглеждат се фрагментите от асоциативно-вербалната мрежа на руската езикова личност и фрагментите от асоциативно-вербалната мрежа на българската езикова личност, които са активирани в хода на проведените свободни асоциативни експерименти, а също така елементите от техните когнитикони и прагматикони; извеждат се сходствата и различията в асоциативната съчетаемост на руското прилагателно ВОЕННЫЙ и неговия български корелат ВОЕНЕН.

А.Х. Липовска

О СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ «ВОЕННЫЙ – ВОЕНЕН» В РУССКО-БОЛГАРСКОМ СЛОВАРЕ АССОЦИАТИВНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

Сопоставительная лингвистика может иметь в качестве объекта исследования единицы любых уровней анализа языка. Различные аспекты языка (ср. выделенные Л.В. Щербой три аспекта – речевая деятельность, языковая система, языковой материал /тексты/) также являются объектом сопоставительного изучения. Язык-способность – другой, наряду с указанными, аспект языка. Исследовательские поиски Ю.Н. Караулова[1] привели его к выделению промежуточного звена в способах репрезентации языка. Между языком-совокупностью (суммой текстов) и языком-системой находится, по его мнению, язык-способность, воплощая язык в его предречевой готовности, соединенным с его носителем [10: 16].

В качестве языка-способности выступает ассоциативно-вербальная сеть[2] носителя языка. В нашем исследовании объектом сопоставительного анализа являются фрагменты ассоциативно- вербальной сети носителя русского языка и фрагменты ассоциативно-вербальной сети носителя болгарского языка, восстановленные на материале ассоциативных экспериментов.

В рамках психолингвистики в последнее время появилось немало работ, выполненных в сопоставительном плане. На материале ассоциативных экспериментов были проведены межъязыковые сопоставления, преследующие разные цели.

Так, А.А. Залевская в работе [5] стремится к выявлению универсальных тенденций и установлению обусловленных факторами языка и культуры различий в речевом поведении носителей исследуемых языков; сопоставляет экспериментальные данные для определения уровня стереотипности реакций испытуемых, эквивалентность самых частых реакций разных групп испытуемых, соотношение парадигматических и синтагматических реакций носителей разных языков и т. д. В другой своей работе [6] автор описывает разработанную им конкретную методику межъязыкового сопоставительного анализа и аргументирует на базе результатов межъязыкового сопоставления свою гипотезу об универсальных принципах организации лексикона человека.

[1] См. [8], [11) и другие работы этого автора.

[2] В [11: 255] ассоциативно-вербальная сеть определяется как «способ держания языка человеком»

В работах Т. Слама-Казаку (см., например, [14]) преследуются лингводидактические цели. Автором выводится корпус языковых фактов, наблюдаемых в процессе овладевания иностранным языком, корпус ошибок, строится иерархическая система ошибок, анализируются источники и причины появления ошибок.

А.И. Титова исследует устойчивые ассоциации лексем в русском, белорусском и польском языках. На основе количественных методов изучения ассоциаций, а также построенной автором математической модели анализа выявляются семантические и грамматические особенности устойчивых ассоциаций в исследуемых языках, существующие различия, обусловленные общественно-политическими, географическими, этническими и т. п. факторами. Делается вывод об общности ассоциативных навыков в трех родственных языках и вместе с тем выявляются специфические черты и особенности ассоциирования в каждом из них [15].

Кросс-культурным исследованием определяет свою работу Н.В. Уфимцева [19], в которой на материале ассоциативных экспериментов исследуется «отражение тела человека как культурного предмета в языковом сознании носителей разных культур» [19: 59-60] и на основании этого выводятся характерные особенности их обыденного сознания.

В сопоставительном плане выполнена работа А.П. Василевича [2], в которой на базе психолингвистических экспериментов исследуются сходства и различия в семантике цветонаименований целой группы языков, представителей различных языковых семей, а также родственных и близкородственных языков. Это дало возможность произвести категоризацию цветового пространства. На основании этого автор выводит универсальную систему категорий цветонаименований. Ценным в данной работе представляется словник цветонаименований, составленный по результатам сопоставительного анализа, а также четырехъязычный словарь терминов цвета, сделанный по разработанной автором методике.

Исследования Л.Н. Титовой и Ю.Е Ульянова имеют выход в лексикографическую практику. На основе проведенных ассоциативных экспериментов с носителями русского и киргизского языков Л.Н. Титова составляет двуязычный ассоциативный словарь [17], проводит сопоставление ассоциативных полей двух языков, рассматривает причины сходств и различий в структуре этих полей. Особо выделяются лингвистические причины для различий в ассоциировании (семантика стимула, грамматические свойства стимула, словообразовательные и фонетические факторы, особенности фразеологии сопоставляемых языков) [16]. Экспериментальная работа Ю.Е. Ульянова с носителями русского и латышского языков явилась материалом для составления Латышско-русского ассоциативного словаря [18].

Наше сопоставительное исследование результатов ассоциативных экспериментов с носителями русского языка и с носителями болгарского языка также имеет лексикографическую направленность. Непосредственное отношение к нему имеют работы М. Джанановой и К. Андрейчиной.

Учитывая, во-первых, близкое родство русского и болгарского языков и, во-вторых, специфику речевой деятельности говорящего (пишущего) и слушающего (читающего), М. Джананова особо выделяет тот факт, что для болгарина, изучающего русский язык, никакой трудности не представляет понимать русскую речь, особенно письменную, тогда как совсем по-другому обстоит дело в процессе говорения (письма). Именно в процессе порождения правильной русской речи болгарские учащиеся встречают большие затруднения [4: 466]. Основным пафосом работы является идея о необходимости сопоставительного изучения сочетаемостных свойств слов русского и болгарского языков. К такому выводу автор приходит, именно учитывая тот факт, что для активного владения

лексикой иностранного языка необходимо знать не только лексические эквиваленты слова в соответствующем языке, но и его конкретные потенции для сочетания. В работе подчеркивается также, что результаты такого сопоставления должны быть зафиксированы в пособии, которое по своему характеру отличается, с одной стороны, от традиционных двуязычных словарей, а с другой, от традиционного грамматического описания. Иными словами, автор обращает внимание на необходимость составления русско- болгарского словаря сочетаний [4: 469].

Исследование К. Андрейчиной имеет лингвометодическую направленность с выходом в лексикографию. В работе [1] обсуждается проблема создания национальной («болгарской») модификации лингвострановедческого словаря современного русского литературного языка. В связи с этим была разработана методика анализа лексических фонов слов двух близкородственных языков (болгарского и русского). Используя метод компарации, предусматривающий набор операций сличения, в ходе которого устанавливаются сходства и различия между единицами двух языков, К. Андрейчина подчеркивает, что проведенный ею анализ нельзя считать исчерпывающим и что «проблема компарации ассоциаций и сочетаемости разноязычных эквивалентных слов не должна ускользнуть от внимания будущего исследователя» [1: 18]. Именно задача такого плана стоит перед нами.

Характерной чертой сопоставительных исследований является разнообразие теорий, которые используются для решения их задач и достижения целей. «Практически нет ни одного лингвистического метода, ни одной современной языковедческой теории, которую не попытались бы поставить на службу сопоставительного изучения языка...» [3: 12].

Теоретической базой нашей работы является теория языковой личности и ассоциативная грамматика[3], в частности идея модели двух слов[4]. На основе этого, а также опираясь на основные положения методики сопоставительного анализа лексики близкородственных языков И. Червенковой[5] была разработана методика сопоставительного анализа данных свободных ассоциативных экспериментов, проведенных с носителями русского языка и с носителями болгарского языка.

Руководствуясь принципом, что любое исследование, особенно такое, которое имеет практическую направленность, должно завершаться предложением о представлении полученных результатов обеспечивающем возможность их дальнейшего использования, мы пришли к выводу, что таким оптимумом является словарная форма[6].

В данной работе на конкретном материале демонстрируется микроструктура возможного русско-болгарского словаря ассоциативной сочетаемости[7].

Словарная статья (см. в конце данной работы) открывается заголовочной русско-болгарской парой слов, которые в свою очередь представлены в составе ассоциативных пар. Сначала приводятся фрагменты лексикона русской, соответственно болгарской языковых личностей. Информация упорядочена в результате проведенного сопоставительного анализа. В левой («русской») части подаются последовательно

[3] См. [8], [11] и др. работы этого автора.
[4] См. об этом В [11: 5-19, 210-223].
[5] См. об этом в [20] и в других работах этого автора.
[6] Ср. "…Возможность лексикографии, простота и исчерпываемость словарного описания, удобство пользования им обусловили стремление в современной описательной лингвистике к словарному представлению результатов исследования и всех других, помимо лексического, уровней языковой структуры, к «ословариванию» языкового описания" [7: 38].
[7] См. об отличиях предлагаемого типа двуязычного ассоциативного словаря по сравнению с существующими в [13].

горизонтальными полосами зафиксированные в ходе ассоциативного эксперимента (и только они) модели, репрезентирующие какое-то одно, второе, третье и т. д. значения заголовочного слова, в правой («болгарской») части - зафиксированные (и только они) модели, репрезентирующие соответственно первое, второе, третье и т. д. значения его болгарского коррелята. В состав этих горизонтальных полос входит, кроме указанных частей, и средняя, в которой - уже другим способом - эксплицируется соответствующее значение. Она в сущности является метаязыковым выражением значения, которому соответствуют определенные естественноязыковые выражения этого же значения в «русской» и «болгарской». В качестве экспликации значений выступают толкования.

Из рассматриваемой словарной статьи видно, что в первом и четвертом значениях наблюдается принципиальное сходство ассоциативной сочетаемости[8] р. ВОЕННЫЙ и б. ВОЕНЕН. Почему принципиальное сходство? Потому что на уровне отдельного значения в этих случаях наблюдается совпадение, но на уровне моделей, репрезентирующих соответствующие значения, наблюдаются как совпадения, так и известные расхождения. Такие модели двух слов, как, например, р. ВОЕННЫЙ ***корабль***, р. ВОЕННЫЙ ***чин***, р. ВОЕННЫЙ ***летчики*** т. п. имеют свои соответствия в «болгарской» части респективно в моделях б. ВОЕНЕН ***кораб***, б. ВОЕНЕН ***чин***, б. ВОЕНЕН ***летец*** и т. п., в то время как другие модели (ср. р. ВОЕННЫЙ ***округ***, р. ВОЕННЫЙ ***совет*** и т. п.) не находят своих соответствий. Эти расхождения, как представляется, можно объяснить, с одной стороны, разной частотой употребления в разных языковых общностях, а с другой, экстралингвистическими факторами (ср. отсутствие деления на военные округа в Болгарии).

Причиной отсутствия в «болгарской» части каких бы то ни было моделей, репрезентирующих четвертое значение, по всей вероятности, являются тоже экстралингвистические факторы. Этот случай является иллюстрацией обстоятельства, что в сознании болгарина война (в частности Вторая мировая война), респективно военный бой, военный год, военные дороги и т. п., не занимает того особого места, как это характерно для русского человека. Вот почему при наличии возможности употребления б. *военен* в сочетаниях, выражающих то же значение, что и в приведенных моделях на русском языке (ср.: б. *военен бой*, б. *военна година* и т.п.), нет зафиксированных моделей.

Во второй части словарной статьи – элементы тезауруса – сохраняется деление на «русскую», «болгарскую» и среднюю вертикально расположенные части, но изменен принцип подачи материала, что вызвано некоторыми особенностями последнего.

Во-первых, нужно иметь в виду, что данные о тезаурусе русской и resp. болгарской языковой личности являются далеко не полными, так как материал свободных ассоциативных экспериментов, на базе которых мы строим наше исследование, не в состоянии предоставить такую достаточно полную информацию. Следовательно, в этой части статьи представлены лишь некоторые элементы тезауруса.

Во-вторых, в качестве элементов тезаурусного уровня языковой личности рассматриваются «такие единицы текста, с помощью которых говорящий; пишущий обозначает определенные - концептуальные (по функции) или ментальные (по природе) - структуры, отражающие его мировидение» [9: 42]. Следовательно, материал распределяется не по группам моделей, выражающих определенные значения, а в соответствии с определенными когнитивными структурами, находящими свое языковое выражение в зафиксированных данных. Поэтому и «метаязыковая» часть содержит не толкования. В ней даны воспринятые нами наименования рубрик (типичные сравнения,

[8] См. об этом в [12].

идиоматические выражения, типичные носители признака, типовая ситуация, наглядно-образные представления носителей языка, тематические группы, прецедентные тексты и др.). Как можно предположить, они не обязательно присутствуют в каждой словарной статье. Тут так же, как и в первой части словарной статьи, наблюдаем сходство, то есть соответствие в репрезентации выделенных рубрик. Нет зафиксированных данных в материале на болгарском языке в рубрике «наглядно-образные представления носителей языка». Предполагаемая причина отсутствия моделей, вероятно, опять же связана с достаточно яркими воспоминаниями русских о недавней войне.

Третья часть - элементы прагматикона - завершает словарную статью. К рубрике «субъективно-оценочное отношение носителей языка», единственно выраженной в рассматриваемой нами словарной статье, относятся все зафиксированные модели (элементы прагматикона). Интерес вызывает четкое разделение полученных оценочных реакций на положительные и отрицательные, что наблюдается очень редко. В данном случае такое разделение основывается не на особенностях в семантике прилагательных р. *военный* и б. *военен*, а является результатом ярко выраженного индивидуализированного подхода при оценивании, а именно: р. ВОЕННЫЙ – *подтянутый*, *стройный*, *храбрый* и б. ВОЕНЕН – *дисциплиниран*, *смел*, *строг* (положительная оценка); также р. ВОЕННЫЙ – *дубовый*, *дуб*, *дурак*, *идиот*, *кирпич*, *кретин*, *пень*, *солдафон*, *тупица*, *мерзко* и б. ВОЕНЕН – *глупав*, *груб*, *педантичен*, *прост*, *скучен*, *тъп*, *глупак*, *идиот*, *тъпак*, *тъпанар*, *бреме*, *глупост*, *омраза*, *неприятност*, *тежест*, *абсурд* (отрицательная оценка). Следует обратить внимание также на зафиксированное в материалах на обоих языках бросающееся в глаза "единодушие" испытуемых лиц: одни (и носители русского, и носители болгарского языка) видят в военном человеке хорошее, а другие (кстати, их намного больше) замечают «минусы» и строго об этом судят, выражая свою оценку весьма выразительно. Нельзя не заметить, что в рассматриваемом случае (а это прослеживается и на другом материале экспериментов) в оценках носителей русского языка и носителей болгарского языка наблюдается сходство по знаку, существуют, однако, некоторые различия в вербальном выражении оценок (ср.: р. *кирпич*, *солдафон*, *тупица*; б. *тъпанар*).

Завершая описание структуры рассматриваемой словарной статьи, приведем слова Ю.Н. Караулова об отношении «к ассоциативной статье как к такому источнику наблюдений над языком, который содержит практически все возможности, отражает все потенции типовых реализаций соответствующего слова-стимула в речи» [11: 60-61].

Наш выбор именно этой словарной статьи был не случаен. Хотелось продемонстрировать на материале вроде бы «ничем не интересной», эквивалентной в семантическом плане пары слов существование не только сходств, но и различий в ассоциативной сочетаемости. Тем самым приводится один из аргументов в пользу составления такого рода словаря. Он может быть полезен болгарам, изучающим русский язык; русским, изучающим болгарский язык; преподавателям-практикам русского/болгарского языков как иностранных; лингвистам, психолингвистам, методистам, психологам, социологам и всем тем, кто занимается проблемами языка и языковой личности.

5	[S] ВОЕННЫЙ – [R] [S] – военный [R]	–	[S] ВОЕНЕН – [R] [S] – военен [R]

А. ФРАГМЕНТЫ ЛЕКСИКОНА

ВОЕННЫЙ корабль(1+1), *округ*, *парад*, *совет*(2), *режим*, *строй* **военный ФЛОТ**(2) **ВОЕНН**{**АЯ**} **кафедра**, *кафедра спец-подготовки*, *служба*(1+3) **военная ПОВИННОСТЬ**(2), ЧАСТЬ(6) **военное УЧЕНИЕ** **военный ПЕСНИ** **ВОЕННЫЙ морской** [**флот, ...**]	1. **X** такой, который относится к армии	**ВОЕНЕН кораб**(2), *камион*, *лагер*, *режим*(2), *съд* **ВОЕНН**{**А**} **сила**
ВОЕННЫЙ китель(2), *мундир*, *погон*, чин **военный БИЛЕТ** **ВОЕНН**{**АЯ**} **портупея**, *форма*, *фуражка* **зелен**{**ая**} **ВОЕНН**{**АЯ**} [**форма, ...**]	2. **X** такой, который относится к военнослужащему	**ВОЕНЕН пагон**, *шинел*, *чин*(3) **ВОЕНН**{**А**} **униформа**(10), *фуражка*(5), *шапка*(2) **зелен**{**а**}(5) **ВОЕНН**{**А**} [**униформа, ...**]
ВОЕННЫЙ летчик(5), *моряк*, специалист, *строитель*, *человек*(10)	3. **X** такой, который состоит на службе в армии	**ВОЕНЕН лекар**, *летец*(2), *служител*(3), *човек*(2) **военен НАЧАЛНИК**
ВОЕННЫЙ бой **военный ГОД** **ВОЕНН**{**АЯ**} **дорога** **ВОЕННЫЙ** [***? - нет,***] **мирный**(2+4)	4. **X** такой, который относится к войне	
штатный(2), *простой* **ВОЕННЫЙ** **день**, *дом*, *стол*, *шкаф* **ВОЕНН**{**ОГО**} **ВСТРЕЧА военн**{**ых**}	5. (субст.) человек, служащий в армии	**ВОЕНЕН** [***? - нет,***] **милиционер**

Б. ЭЛЕМЕНТЫ ТЕЗАУРУСА

ВОЕННЫЙ [***?*** **-**] **генерал**, *лейтенант, офицер*(3), *полковник, солдат*	тематическая группа «ВОИНСКИЕ ЗВАНИЯ»	**ВОЕННЫЙ** [***?*** **-**] **генерал**, *лейтенант*, *офицер*(3), *полковник*, *солдат*
ВОЕННЫЙ [***?*** **-**] **армия**, *комендант*, *оборона*, *полководец*, *приказ*(1+1), *флаг*	тематическая группа «АРМИЯ»	**ВОЕНЕН** [***?*** **-**] **казарма**, *пушка*

[S] ВОЕННЫЙ – [R] [S] – военный [R]	–	[S] ВОЕНЕН – [R] [S] – военен [R]

ВОЕННЫЙ [**- *это***] **солдаты у пушек**	наглядно-образные представления носителя языка	
ВОЕННЫЙ [**- *это***] **муж**, *отец*(2), *Данилюк*	конкретные образы испытуемых лиц	**ВОЕНЕН** [**- *това е***] **баща ми**, *мъж*(4)

В. ЭЛЕМЕНТЫ ПРАГМАТИКОНА

ВОЕННЫЙ [**, *поэтому***] **подтянутый**, *стройный*, *храбрый*	положительное субъективно-оценочное представление носителей языка	**ВОЕНЕН** [**, *затова е***] **дисциплиниран**, *смел*, *строг*(2)
ВОЕННЫЙ [**, *поэтому***] **дубовый**(2) **ВОЕННЫЙ** [**- *значит***] **дурак**(2), *дуб*, *идиот*, *кирпич*, *кретин*, *пень*, *солдафон*, *тупица* **ВОЕННЫЙ** [**- *это***] **мерзко**	отрицательное субъективно-оценочное представление носителей языка	**ВОЕНЕН** [**, *затова е***] **глупав**(2), *груб*, *педантичен*, *прост*(2+3), *скучен*, *тъп* **ВОЕНЕН** [**- *значи***] **глупак**, *идиот*, *тъпак*, *тъпанар* **ВОЕНЕН** [**- *това е***] **бреме**, *глупост*, *омраза*, *неприятност*, *тежест* **ВОЕНЕН** [***?* -**] **абсурд**

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андрейчина К.Г. *Вопросы учета национальной культуры учащихся при составлении лингвострановедческого учебного словаря*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва. 1977.
2. Василевич А.П. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: (На материале цветообозначений в языках разных систем).* Москва, 1987.
3. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике. – *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 25. Москва, 1989, 5-17.
4. Джананова М. Задачи и структура на един българо-руски речник на словосъчетанията със съществителни имена. - *Български език*, 1967, N 5, 465-475.
5. Залевская А.А. *Межъязыковые сопоставления в психолингвистике.* Калинин. 1879.

6. Залевская А. А. *Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыковых сопоставлений результатов ассоциативных экспериментов:* Автореф ... д-ра филол. наук. 1980.
7. Караулов Ю.Н. *Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка.* Москва. 1981.
8. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность.* Москва. 1987.
9. Караулов Ю.Н. Некоторые наблюдения над русским языком зарубежья. – *La revue* russe, 1992, N 2, 31-53.
10. Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности. - *Вестник Российского университета дружбы народов, Серия филология. Журналистика*. 1993. N 1, 5-13.
11. Караулов Ю.Н. *Ассоциативная грамматика русского языка.* Москва, 1993.
12. Липовска А. *Ассоциативная сочетаемость имен прилагательных и ее лексикографическое представление:* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва. 1994.
13. Липовска А. Двуязычный ассоциативный словарь – база данных для создания учебных пособий по иностранному языку. – *Доклады участников конференции МАПРЯЛ.* Краков, 1996. (в печати)
14. Слама-Казаку Т. Методика психолингвистического исследования при контрастивном анализе. Корпус языковых фактов, полученных в процессе обучения языку: корпус ошибок и их иерархия. – *Психолингвистика.* Москва, 1984.
15. Титова А.И. *Устойчивые ассоциации лексем в некоторых славянских языках:* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск. 1975.
16. Титова Л.Н. Свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативные словари. – *Методы изучения лексики*. Минск, 1975.
17. Титова Л.Н. *Киргизско-русский ассоциативный словарь.* Фрунзе, 1975.
18. Ульянов Ю.Е *Латышско-русский ассоциативный словарь.* Рига, 1988
19. Уфимцева Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросс- культурное исследование. - *Известия РАН. Серия литературы и языка*. Том 54, № 3, 55-62.
20. Червенкова И. *Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики,* (рукопись)